

Научная статья
УДК 82-6+821.161.1
doi: 10.17223/19986645/80/10

**«Милый друг Жуковский...»: письма И.И. Козлова
к В.А. Жуковскому (1819–1839 гг.)**

**Иван Олегович Волков¹, Нинель Евгеньевна Генина²,
Елена Юрьевна Кильмухаметова³**

^{1, 2, 3} Томский государственный университет, Томск, Россия,

¹wolkoviv@gmail.com

²ninelgenina@gmail.com

³vademecum72@mail.ru

Аннотация. Исследуется обнаруженное в архивах ИРЛИ и РНБ эпистолярное наследие русского поэта романтической эпохи И.И. Козлова. Описываются и анализируются 34 письма, адресованные В.А. Жуковскому и охватившие почти 20 лет жизни и деятельности их автора. Делается попытка систематизировать переписку И.И. Козлова, исходя из ее эстетического содержания. Письма к В.А. Жуковскому как документ эпохи оказываются уникальным источником, реконструирующим картину взаимоотношений двух поэтов и раскрывающим творческую лабораторию их автора, погруженного в социокультурную жизнь своего времени.

Ключевые слова: И.И. Козлов, В.А. Жуковский, письма, переписка, романтизм, А.А. Воейкова, русская литература

Источник финансирования: исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

Для цитирования: Волков И.О., Генина Н.Е., Кильмухаметова Е.Ю. «Милый друг Жуковский...»: письма И.И. Козлова к В.А. Жуковскому (1818–1839 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 211–235. doi: 10.17223/19986645/80/10

Original article

doi: 10.17223/19986645/80/10

“Dear friend Zhukovsky ...”: Letters from Ivan Kozlov to Vasily Zhukovsky (1819–1839)

Ivan O. Volkov¹, Ninel E. Genina², Elena Yu. Kilmukhametova³

^{1, 2, 3} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ wolkoviv@gmail.com

² ninelgenina@gmail.com

³ vademecum72@mail.ru

Abstract. The article explores the epistolary heritage of Ivan Kozlov (1779–1840), a famous Russian poet of the romantic era. The heritage was discovered in the Manuscript Department of the Pushkin House (Institute of Russian Literature, RAS) and the National Library of Russia. The article analyses 34 letters addressed to Vasily Zhukovsky, which were mentioned only in a few fragmentary works. The letters cover almost 20 years of the life and work of the blind poet: from 12 June 1819 to 9 January 1839, that is, they fully embrace the period of progressive illness and, at the same time, the intensified development of Kozlov’s poetic talent. Most of the letters (two thirds) are written either entirely in French, or in a mixed format alternating between Russian and French. The poet, already almost or completely blind, wrote 14 letters himself, as a result of which they present the main difficulty for decoding, translation and publication. Kozlov’s daughter Alexandra, who early became a kind of secretary to her father, put the rest of the letters on paper for him. The article attempts to systematize Kozlov’s correspondence internally. All letters addressed to Zhukovsky, in accordance with their content, are divided into three thematic blocks. The first, the largest, is the poet’s creative laboratory. In these letters, Kozlov tells his friend about the texts on which he is currently working, or about those that he has already completed. This information allows the poems mentioned in the dialogue to receive an exact dating, previously unknown or approximate. The second thematic block of Kozlov’s letters is associated with the literary life of the era. First of all, this includes the poet’s reading circle, his aesthetic preferences, as well as individual facts and phenomena of the literary process contemporary to him, the main material of which was the works of Zhukovsky himself. The third block is based on Kozlov’s active participation in the life of Zhukovsky’s youngest niece Alexandra Voeikova, her family affairs, as well as the fate of her three children. This group also includes letters referring to the sudden death of Maria Moyer. As a result, Kozlov’s letters to Zhukovsky as a unique document of the era turn out to be an important source that helps to reconstruct the picture of the relationship between the two poets, to reliably reveal the creative laboratory of their author, who was completely immersed in the socio-cultural life of his time. The complete corpus of this correspondence will soon be prepared for publication as part of the next academic collection *Zhukovsky: Research and Materials*.

Keywords: Ivan Kozlov, Vasily Zhukovsky, letters, correspondence, romanticism, Alexandra Voeikova, Russian literature

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00083.

For citation: Volkov, I.O., Genina, N.E. & Kilmukhametova, E.Yu. (2022) "Dear friend Zhukovsky ...": Letters from Ivan Kozlov to Vasily Zhukovsky (1819–1839). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 211–235. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/10

Иван Иванович Козлов (1779–1840) – поэт, переводчик, один из ярчайших представителей эпохи русского романтизма, автор лироэпического шедевра «Чернец» и многих непревзойденных поэтических откровений. «Поэт-слепец» – так, вероятно по аналогии с Гомером, современники нарекли обездвиженного и потерявшего зрение Козлова, в котором на одре болезни зажегся огонь творчества. В.Г. Белинский в статье о посмертном издании козловских стихотворений повторил устоявшийся взгляд на природу его поэтического дара: «...несчастье заставило его познакомиться с самим собою, заглянуть в таинственное святилище души своей и открыть там самородный ключ поэтического вдохновения» [1. С. 73]. Однако физические страдания не могли составить единственный фактор лирического развития Козлова, хорошо образованного и ранее имевшего склонности к литературе, – для этого в первую очередь был необходим огромный контекст культуры, живительная атмосфера пушкинского времени. Немощный, он мог так и остаться лишь переводчиком-дилетантом и поэтом-самоучкой, достойным стороннего внимания и сострадания, если бы не оказался в кругу талантливейших людей своего времени: братья А.И., Н.И. и С.И. Тургеневы, П.А. Вяземский, К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин, Е.А. Баратынский, В.А. Жуковский и многие другие. Одно имя в этой романтической плеяде имело для Козлова значение особое, едва ли не исключительное – это Жуковский.

Дата точного знакомства Козлова с Жуковским документально никак не зафиксирована, однако И.Д. Гликман в качестве таковой называет очень убедительный 1808 г. [2. С. 10]. В это время Козлов служил в канцелярии московского главнокомандующего Т.И. Тутолмина, а переехавший из Белёва в Москву Жуковский тогда же начал свою деятельность по редактированию «Вестника Европы». А.И. Козлова, дочь поэта, в биографической заметке, составленной для Я.К. Грога, сообщала, что ее отец сошелся с Жуковским «в первой молодости в Москве» [3. С. 78], а в 1808 г. ему как раз еще не было и 30 лет. Сам же Жуковский в письме к Н.М. Лонгинову от 3 сентября 1819 г. писал, что с Козловым «давно знаком» [4. С. 51] (очевидно, порядка 10 лет). Немаловажно и то, что уже в апреле 1814 г. А.И. Тургенев в письме к А.Я. Булгакову называл Козлова «приятель мой» [5. С. 143]. Можно предположить, что первое знакомство двух поэтов не послужило поводом возникновения между ними сколь-либо серьезной привязанности, хотя Жуковский уже тогда не мог не оценить в Козлове «литературные интересы и образованность» [2. С. 10]. Встретиться вновь они вполне могли уже в 1812 г. в общем деле защиты «первопрестольной столицы». С 20 июня по 30 августа Козлов находился в комитете по образованию Московской военной силы, а Жуковский 10 августа добровольно

вступил в Московское ополчение. Началом же подлинной дружбы между ними должен был стать 1818 г., летом которого автор знаменитого «Певца во стане русских воинов» вернулся в Петербург, где уже пять лет жил со своим семейством и два года искал исцеления от усиливающейся болезни Козлов. В своем дневнике 14 января 1819 г., сразу после заметки о приходе Николая Тургенева, он делает запись: «Жуковский мне принес свои сочинения; обедал с нами» [6. С. 39]. А 22 октября того же года П.А. Вяземский писал Александру Тургеневу: «Постараюсь прислать тебе перевод И.И. Козлова, бывшего танцмейстера, лишившегося ног, но приобрётшего вкус к литературе и выучившего в три месяца (*sapienti sat!*) по-английски Байрона...» [7. С. 335–336].

Жуковский, «ангел-хранитель» русской литературы, свою дружбу к Козлову сделал «постоянной утешительной спутницей» [3. С. 78]. Он не только ввел Козлова в свой дружеский поэтический круг, но и позволил ему стать верным и желанным другом собственной семьи, в частности А.А. Воейковой, а также и семью самого Козлова взял под покровительство, наказывая ближайшим своим знакомым не оставлять ее вниманием и заботой. На протяжении более чем двадцати лет Жуковский поддерживал духовные силы страдальца («...мне от дружбы твоей на сердце не так тяжело и горестно» [8. Л. 52 об.], – признавался Козлов) и, как мог, облегчал его жизненные тяготы, ходатайствуя о нем перед императорской фамилией и руководя изданием его стихотворений и переводов, в том числе посмертных. Он же, присутствуя при последних часах Козлова, прочитал над ним отходную и фактически исполнил роль его душеприказчика.

Отношение же Жуковского к Козлову как к поэту не только и не столько имело преимущественно наставнический или покровительственный тон, но во многом определялось искренностью его восхищения масштабом, глубиной и чистотой романтической экзальтации слепца, основу которой составило движение к всестороннему изучению художественного мира Дж. Байрона. Красноречиво об этом увлечении свидетельствует запись поэта в дневнике от 31 января 1819 г.: «Много читал Байрона. Ничто не может сравниться с ним. Шедевр поэзии, мрачное величие, трагизм, энергия, сила бесподобная, энтузиазм, доходящий до бреда, грация, пылкость, чувствительность, увлекательная поэзия, – я в восхищении от него... Но он уж чересчур мизантроп; я ему пожелал бы только – более религиозных идей, как они необходимы для счастья. Но что за душа, какой поэт, какой восхитительный гений! Это – просто волшебство!» [6. С. 40]. Козлов был особенно дорог Жуковскому именно стремлением, во-первых, во всей полноте проникнуть в эстетический космос английского романтика, при этом и другие поэтические явления (У. Шекспир, В. Скотт, Т. Мур, Л. Ариосто, Данте и пр.) усваивая в том же чувственно высоком звучании и значении, а во-вторых, сделать эмоциональную стихию поэзии Байрона («Кипучая бездна огня и мечты») своим достоянием, согласовать его трагическую силу и пафос с собственной жадой творчества.

Личные взаимоотношения и творческие связи Козлова и Жуковского достойны отдельного самостоятельного изучения, предпосылки к которому намечены в работах К.Я. Грота [3], К.А. Труша [9], Н.М. Данилова [10] и, особенно, Н.В. Соловьева [11]. Частично восполнить эту лауну попытался В.В. Афанасьев двумя своими книгами [12–13], однако не очень строго выдержанными и точными в научном плане. Достоверно воссоздать историю многолетней дружбы и литературных связей двух поэтов во многом помогает их переписка. Письма Жуковского к Козлову в отдельных подборках появились уже в 1867 г. на страницах «Русского архива», ныне же они выходят в составе его Полного собрания сочинений и писем, выпускаемого коллективом ученых Томского государственного университета. Что касается писем Козлова к Жуковскому, то не только в полном, даже в сколь-либо избранном виде они никогда не публиковались. Исключение составляют лишь два письма, полностью приведенные Н.М. Даниловым в его статье [10. С. 103–104]. В остальных же случаях обращение к «жуковскому» эпистолярному Козлова носило характер фрагментарный: два отрывка из него были воспроизведены И.Д. Гликманом в издании стихотворений Козлова [2. С. 21–22, 40], еще восемь совсем небольших выдержек сделал В.В. Афанасьев [12. С. 227; 13. С. 85, 112, 143, 146, 150, 151, 167, 171].

Письма Козлова к Жуковскому, находящиеся в рукописных отделах Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Российской национальной библиотеки, насчитывают 34 единицы и в хронологическом плане охватывают практически 20 лет: с 12 июня 1819 г. по 9 января 1839 г., т.е. целиком обнимают период прогрессирующей болезни и одновременно усиленного развития поэтического таланта их автора. Две трети из общего числа писем написаны либо полностью на французском языке, либо в смешанном формате чередования русского и французского текстов. Несмотря на то, что в 1821 г. Козлов полностью ослеп, он вплоть до середины 1825 г. пишет Жуковскому собственной рукой. Эти 14 писем, редко когда датированные, представляют основную трудность эдичионной подготовки козловского эпистолярного, которая и не позволяла до сих пор явить его в необходимой полноте. В самом начале в 1820-х гг. А.А. Воейкова писала Козлову: «Не будучи волшебницей, я расшифровала ваше письмо» [11. Т. 2. С. 50]. Именно расшифровывать приходилось всем, кому поэт писал собственноручно, включая и Жуковского. Сам Козлов, еще до потери зрения, сравнивал свой почерк с кошачьим царапаньем: «Я пишу, как кошка, разлиновывая бумагу и увеличивая буквы» [8. Л. 17]. Буквы и правда увеличивались и отрывались друг от друга, разрастающиеся слова взаимно отдалялись, строки теряли равновесие и перемешивались, то перекрещиваясь, то наплывая одна на другую. Если бумага с еще не успевшими высохнуть чернилами быстро складывалась вдвое, то написанное отпечатывалось на обеих сторонах, и дружеское послание превращалось в настоящий ребус. Но каждое такое письмо Жуковский всегда разгадывал и старался ответить, пусть даже небольшой запиской.

Когда же владение пером для Козлова стало практически невозможным, он почти полностью перепоручил эпистолярные заботы своей дочери Александре, которая очень рано вошла в роль личного секретаря при отце. Но чуть ли не обязательством поэт считал для себя поставить почти на каждом письме свой автограф вместе с прощальной фразой – в последних письмах эти малоразборчивые каракули действительно больше похожи на царапины. Дочь Козлова, которую близкие называли Алиной и которую корреспонденты поэта не упускали случая упомянуть в своих ответах ее отцу [З. С. 89, 82], справляла свои обязанности не одна, поскольку почерк в полученных Жуковским письмах нередко разнится. Иногда под диктовку Козлова писала какая-нибудь его гостья, которой можно было доверить эпистолярное содержание. Например, одно из писем к Жуковскому было написано рукой Т.С. Вейдемейер, хорошей знакомой поэта и его круга, которой Козлов посвятил стихотворение «Вечерний звон».

Письма Козлова к Жуковскому по их содержанию можно разделить на три основных тематических блока. Первый, наиболее объемный, составляет творческая лаборатория поэта. В них Козлов рассказывает своему другу о произведениях, над которыми он в текущий момент работает, или о тех, что уже им окончены. Жуковский с самого начала дружбы с Козловым стал его старшим товарищем в деле литературы, поэтому в письмах закономерно идет речь о правке отдельных слов и выражений в поиске наиболее подходящего звучания или смыслового сочетания. Нередко Козлов включает в свои письма свежие стихотворения целиком, либо дает их в сопровождении, ожидая в ответ отзыва и рекомендации. Так, уже первое по дате написания сохранившееся послание к Жуковскому связано с переводом Козловым отрывка из байроновского «Гяура»; 12 июня 1819 г. он пишет о том, что «traduite mot pour mot»¹ исповедь Гяура, стараясь, «garder autant que possible le caractère du texte anglais»² [14. Л. 17]. К письму приложены 12 листов, сшитых в одну тетрадь, на которых действительно дано прозаическое переложение исповедального отрывка из восточной поэмы Байрона. Перевод выполнен с английского языка на французский, что делает его уникальным в наследии поэта.

До сих пор было известно лишь об одном-единственном байроновском тексте, который Козлов в самом начале своего творчества переложил на французский язык, – это «Абидосская невеста», считавшаяся его первым поэтическим произведением. Перевод поэмы ныне утрачен, но за него автор был удостоен от императрицы Елизаветы Алексеевны бриллиантового перстня. Работу над «Абидосской невестой» Козлов завершил в конце июля 1819 г. и тут же познакомил с ним Жуковского, о чем записал в своем дневнике: «Столь любимый мною Жуковский прибыл из Павловска. Я ему читал мой перевод „Bride of Abydos“» [6. С. 41]. Этот хронологический факт делает прежде не известный перевод из «Гяура» самым ранним

¹ Перевел слово в слово (*фр.*). Здесь и далее перевод наш.

² Насколько это возможно, сохранить характер английского текста (*фр.*).

опытом Козлова – как на французском языке, так и вообще в литературе. Вероятно, работу над ним он начал весной 1819 г. и не случайно фиксировал в дневниковой записи от 11 марта: «Читал с Жуковским “Гяура”. Как я люблю этого милого Жуковского! Я много занимаюсь английским языком» [6. С. 40]. Оба поэта в это время испытывали чрезвычайное увлечение Байроном¹, зачитываясь его произведениями. Козлов останется верен своему идеалу до конца жизни, ему даже придется защищать этого «мятежно-англичанина» от критики Жуковского (см. об этом ниже).

В следующем по хронологии письме, приблизительно датированном декабрем 1822 г., идет речь о переводе поэзии уже другого автора – Ш. Мильвуа. Козлов советуется с Жуковским относительно отдельных слов и выражений в стихотворении «Фея Моргана к Олиберу». Очевидно, это одно из нескольких писем по поводу этого перевода или продолжение недавней беседы, поскольку поэт в краткой записке сразу начинает с уже знакомых Жуковскому мест: «On peut laisser²: “Уж вечер был”, или “То вечер был”, или “Раз вечером”, или “День красный час – Был вечер”» [8. Л. 27]. К моменту написания письма стихотворение вчерне, вероятно, было закончено, и далее шла его стилистическая правка. Приведенные строки относятся к самому началу текста, которое в итоговом варианте оформилось так: «Уж вечер был; я, в терем поспешая». Само слово «терем» тоже было предметом обсуждения, Козлов писал: «...je veux garder la tourelle “терем”, et non³ “темница”» [8. Л. 27–28]. И Жуковский в кратком ответе согласился с этим выбором, предполагая возможность еще поработать над дальнейшей формой стиха: «Оставь, пожалуй, *терем*; после можно придумать, как лучше сделать» [4. С. 171].

Одновременно с «Феей Морганой» Козлов трудился над еще одним переводом, снова из Байрона. В начале 1823 г. он писал Жуковскому о том, что закончил работу со стихотворением «Fare thee well», которое в русском варианте получило название «Прости» и жанровый подзаголовок «элегия». Свое сообщение о новом переводе, который, без сомнения, был приложен к письму, Козлов также облек в стихотворную форму. В рифмованном восьмистишии, написанном четырехстопным ямбом, поэт обращается к «Морвены певцу» и в шуточной форме рассказывает о муках перевода, которые в итоге дали свои чудесные плоды. Элегию «Прости» Жуковский,

¹ П.А. Вяземский писал 11 октября 1819 г. А.И. Тургеневу: «Я все это время купаюсь в пучине поэзии: читаю и перечитываю лорда Байрона, разумеется, в бледных выписках французских. Что за скала, из коей бьет море поэзии! Как Жуковский не черпает тут жизни, коей стало бы на целое поколение поэтов! Без сомнения, если решусь когда-нибудь чему учиться, то примусь за английский язык единственно для Байрона». Тургенев отвечал ему 22 октября того же года: «Ты проповедуешь нам Байрона, которого мы все лето читали. Жуковский им бредит и им питается. В планах его много переводов из Байрона. Я нагреваюсь им и недавно купил полное издание в семи томах» [7. С. 326, 349].

² Можно оставить (*фр.*).

³ я хочу оставить «башенка»..., а не... (*фр.*).

таким образом, получил одним из первых, с самого рабочего стола поэта, но Козлов не просит здесь о правках или возможных изменениях. Стихотворение, уже законченное, предназначалось именно Жуковскому, потому что его первоисточник – Байрон, а тема связана с одними из самых важных для автора понятий в сфере поэтического творчества – любовь и страдание. Козлов предоставлял другу первенство и право без посредника оценить получившееся откровение. Много позже, в письме от 27 ноября 1838 г., он назовет перевод «Fare thee well» Байрона вместе с «Sparsa le tresce morbide»¹ Мандзони своими любимыми, характеризуя при этом саму поэтическую работу как способ ощутить «связь с двумя гениями, которые наиболее созвучны моему сердцу» [8. Л. 58].

С подобным же доверительным жестом и в еще более сокровенном желании поэтического единения Козлов обращается к Жуковскому по поводу своих оригинальных произведений. В этом смысле показательна история создания баллады «Венгерский лес», представленная на страницах переписки. Впервые упоминание о ней возникает в точно датированном письме Козлова от 16 октября 1823 г. Именно по этому свидетельству можно уверенно говорить о времени начала работы поэта над балладой, а также о степени завершенности замысла к означенному моменту. Судя по содержанию письма, в котором из «Венгерского леса» цитируются отдельные фразы: «девичья красота», «дымчатая фата», «радужный жемчуг», «Киев-град», баллада к осени 1823 г. была в черновом варианте уже практически окончена. Поэт оговаривает, что его «маленькая поэма», «успокаивающая слух и волнующая сердце» [8. Л. 5], состоит из двух частей («песен»), которые, в свою очередь, разбиты на строфы («куплеты»). Особенно волнует его вопрос верной рифмовки, которая должна передавать гармонию всего стиха. Прося мнения и совета, Козлов указывает на начальные строки тех строф, что планирует изменить в стремлении добиться верности в передаче смысла: «И на холмах уже горит», «Смерть бледней лик его мрачит», «И к ней лишь звезды нам блеснут». По публикации в «Невском альманахе» (1827) хорошо видно, что эти места действительно подверглись правке, и произошло это, конечно, не без участия Жуковского.

В этом же письме говорится об окончании работы над еще одним произведением – «Молодым певцом». Это уже переводное стихотворение, заимствованное из цикла Т. Мура «Ирландские мелодии». Козлов сообщает, что отправил «Певца» «Блудову через Тургенева». Он сравнивает Мура, у которого «есть <места> восхитительные, но их очень много», с байроновскими «Еврейскими мелодиями» и отдает последним преимущество, поскольку они «красивее и имеют совершенно различный характер» [8. Л. 6].

Творчество Мура послужило Козлову источником нескольких лирических текстов, включая две «Ирландские мелодии» (1824 и 1828 гг.), «Бессонницу» (1827) и знаменитый «Вечерний звон» (1828). В письме от ноября 1823 г. он посылает Жуковскому стихотворение «К радости» и кратко

¹ Расправьте мягкие косы (*umal.*).

рассказывает историю возникновения замысла. По словам Козлова, к его написанию подтолкнул один примечательный момент в поэзии Мура, услышанный им в беседе: «Блудов <...> m'a dit qu'il y a dans Moore la comparaison de la lune qui éclairé la mer sans l'échauffer, j'ai fait ces stances sur cette idée»¹ [15. Л. 1]. Столь популярный у английского поэта лунный образ в стихотворении «К радости» оказывается частью возникающего в финале водного пейзажа. Козлов осмысливает лирическое изображение холодного лунного света через контрастные метафорические сочетания: «Река в сияньи пламя льет, / Горит его лучами».

В письме от конца мая (не позднее 29) 1824 г. Козлов делится ходом работы над русским переводом уже хорошо знакомой ему восточной поэмы Байрона «Абидосская невеста». К этому моменту поэт успел перевести всю первую песню и приступил ко второй. Он выражает особое удовольствие по поводу того, как ему удалось передать «описание Зюлейкина гарема»: «Хотел послать, но сам лучше в первый раз прочту» [8. Л. 8]. Эта сцена дана Байроном в пятой строфе второй части «турецкой повести», и Козлов, усердно над ней работая, не отдал ее в «Московский телеграф», где в 1825 г. (№ 19, октябрь) были опубликованы отрывки из второй песни (строфы 2–4). О переводе «Абидосской невесты» Козлов пишет в примечательное время – месяц спустя после смерти английского романтика, и вся работа поэта над текстами его кумира овеяна особой атмосферой. Не случайно он в конце письма замечает Жуковскому о необходимости отдать Байрону дань памяти в русском стихе, прибегая к упреку П.А. Вяземского из письма Александру Тургеневу: «...если ты ничего не напишешь о Бейроне, то твой пламень погас» [Там же. Л. 8 об.]. Сам Козлов в это время создает стихотворение «Бейрон», посвященное Пушкину. Желая обратить монаршую милость на поэта и его семейство, Жуковский советует автору посвятить перевод «турецкой повести» молодой императрице. Этот знак «чувства сердечного благоговения» был оценен Александрой Федоровной, подарившей поэту свой перстень².

Переложение «Абидосской невесты» Козлов совмещал с другим своим трудом, тоже лироэпическим, но уже оригинальным. Находясь под влиянием байроновской поэзии, а в особенности под впечатлением от поэмы «Гяур», он создает в 1824 г. романтическую повесть в стихах «Чернец». Первый, кому Козлов рассказал о завершении своей работы, – это, конечно, Жуковский, который не только хорошо знал о давно вызревавшем замысле, но и поторапливал с его непременным воплощением. В письме к нему от 28 сентября того же года поэт сообщал «милому другу»: «...мой “Чернец” кончен. Его переписывают, и тотчас пришлю к тебе» [8. Л. 9].

¹ Сказал мне, что у Мура есть сравнение с луной, которая освещает море, но не нагревает его. Я написал эти строфы на эту идею (*фр.*).

² А.А. Воейкова писала Жуковскому по этому поводу: «Козлов поднес свою “Невесту” царице, и она, т.е. молодая, прислала ему прекрасный перстень в 1000 руб. с очень лестным письмом, которое, хотя от Шамбо, Козлов почти стер поцелуями» [16. С. 152].

Жуковский оценил поэму очень высоко, назвав ее «шедевром от начала до конца» и решив, что она будет открывать «печатание Ваших сочинений» [4. С. 244]. В качестве отдельной книги «Чернец» вышел действительно очень быстро – уже в первых числах февраля 1825 г. было подписано цензурное разрешение. В подготовке этого издания Жуковский принял живейшее участие, наметив пути редакции поэмы уже с самого момента получения белой рукописи. Он же явился и автором небольшого предисловия «От издателей». После выхода «Чернеца», на которого Жуковский и Александр Тургенев организовали подписку, особый его экземпляр в сафьяновом переплете был преподнесен императрице Елизавете Алексеевне. Идею такого жеста Козлов снова получил от своего друга и наставника, который сочинил также и дарственную надпись. За создание и преподнесение романтической поэмы поэт был высочайше пожалован драгоценным перстнем. По этому поводу Козлов в середине апреля 1825 г. писал Жуковскому: «...la seule idée d'intéresser un peu Sa M. l'impératrice Elisabeth est un véritable bonheur pour moi»¹ [8. Л. 25].

Вскоре на страницах переписки возникает название нового лироэпического опыта Козлова: «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая». В письме от 28 июня 1826 г. поэт извещал Жуковского, находящегося в Эмсе, о своем продвижении в написании поэмы: «Что касается моей “Княгини Долгорукой”, я занимаюсь ей с любовью. Ее разговор со священником почти закончен, может быть, Вы будете им довольны» [8. Л. 16]. Видимо, к этому моменту поэт разрабатывал стихи уже для девятой песни первой части поэмы, которая как раз и открывает диалог княгини Долгорукой, скрытой под ремаркой «Путница», со святым старцем. Жуковский в ответ призывал Козлова к усердной и плодотворной работе над поэмой, желая по своему возвращении найти ее «почти готовую вступить в свет и принести славу отцу своему» [4. С. 339]. Поэт же следом, в письме от 22 августа, уверял друга в том, что «“Княгиня Долгорукая” уже написана целая половина», и признавался, что сцена со священником «много мне стоила труда» [8. Л. 17]. Создание поэмы становится темой нескольких последующих (к сожалению, несохранившихся или неизвестных) писем Козлова к Жуковскому, который наглядно наблюдает процесс творчества, знакомясь с присылаемыми ему отрывками. Автор старается завершить свое произведение к приезду путешествующего друга домой, он проговаривает это намерение в письме от 24 мая 1827 г.: «...а к твоему возвращению и “К<нягиня> Д<олгорукая>”, надеюсь, будет готова» [8. Л. 20]. В конце весны означенного года Козлов действительно был близок к ее окончанию, сообщая о готовящемся оформлении двенадцатой песни второй части: «...мы с ней почти на Днепре». Жуковский вернулся в Петербург в октябре, а 22 ноября отдельное издание «Княгини Долгорукой» получило цензурное разрешение. В приведенном выше письме Козлов также говорит о том, что его по-

¹ Одна только мысль вызвать малейший интерес ее высочества императрицы Елизаветы – это настоящее счастье для меня (*фр.*).

эма будет иметь важное для него посвящение: «Желаю, чтоб она тебе была столько же приятна, сколько усладительно для меня посвящать её тебе и приобщить мое имя к твоему, добрый друг мой» [8. Л. 19 об.].

И снова работа над собственным произведением у Козлова сопровождается переводческими занятиями. В творческой лаборатории поэта романтическая поэма на материале русской истории XVIII в. непосредственно соседствует с поэзией Байрона, которую он продолжает осваивать. Пообещав Жуковскому подготовить в срок «Княгиню Долгорукую», Козлов не преминул сообщить и о том, что «Incantatrix Манфреда я перевел, но еще не печатаю» [8. Л. 19 об.]. Под латинским словом «Incantatrix» (т.е. чародейка, ведьма) поэт подразумевал волшебный дух, появляющийся в образе прекрасной женщины и произносящий над героем заклинание в первой сцене драматической поэмы «Манфред». Заклинательную песню байроновской чародейки Козлов перевел под названием «Обворожение» и посвятил ее князю Вяземскому. Публикация этого отрывка состоялась в 1828 г. в «Невском альманахе», при этом до сих пор точная дата его создания была под вопросом (как и в случае с большинством произведений поэта и переводчика). И.Д. Гликман в «Полном собрании стихотворений» Козлова в угловых скобках пометил «Обворожение» 1827 г., и извлеченное письмо автора подтверждает это предположение, позволяя даже конкретизировать: конец мая, до 24 числа.

«Жуковский» эпистолярный Козлова дает возможность установить верную датировку еще двух его стихотворений. В письме от 27 августа 1829 г. он приводит целиком только что им оконченный небольшой вольный перевод («вольное подражание») из первой песни поэмы Байрона «Дон-Жуан». Стихотворный текст, помещенный на странице послания к Жуковскому, почти идентичен тому, что появился год спустя в «Северных цветах». Разнятся лишь два слова в конце подражания: «любо слушать» заменилось на «любо слышать», «голос дев» был изменен на «песни дев». Снова приходится угадывать, что даже эти небольшие правки сделаны не без руки адресата Козлова, причем последний сам его к этому подталкивал, оговаривая в письме и делая ударения подчеркиванием: «я знаю, ты не любишь слова “люблю”, но тут оно, кажется, на месте. Ни “радушно”, ни “с любовью” его не заменяют» [8. Л. 60].

Здесь же поэт отмечает готовность другого стихотворения, взятого «из Andre Chenier». Хотя он не приводит в письме ни одной строки, обещая вскоре прислать стихи отдельно («теперь совестно их диктовать моему секретарю») [8. Л. 60], несложно догадаться, что речь идет о тексте, который начинается со слов: «Ко мне, стрелок молодой, спеши!» В общей логике своих переводов Козлов, как и в случае с отрывком из «Дон-Жуана», дает стихотворению обозначение «вольное подражание». Временем его написания считался 1832 г., поскольку цензурное разрешение альманаха «Комета Белы», в котором оно было опубликовано, помечено 30 октября того же года. Однако короткое эпистолярное свидетельство дает основание отодвинуть дату создания на три года назад.

Сохранившиеся письма Козлова к Жуковскому позволяют устранить неопределённость и по поводу датировки стихотворения «Воспоминание 14-го февраля». Названное первоначально просто «14-е февраля», оно ровным и аккуратным почерком целиком выведено на обороте одного из «французских» писем поэта. Козлов представляет его Жуковскому как «русские рифмованные октавы», которые сложились словно сами собой («Je ne sais trop comment je les ai faites»)¹ [15. Л. 3 об.]. Этот намек на «бессознательность» написания стихотворения, действительно состоящего из четырех восьмистиший, конечно, связан с его «мемориальным» назначением: 14 февраля – это день смерти А.А. Воейковой, памяти которой и посвящено «Воспоминание». И.Д. Гликман датирует стихотворение «февралем 1830 или 1831 г., поскольку слово “год” здесь можно рассматривать и как синоним “годовщины”» [17. С. 466]. Из двух вариантов верным оказывается первый, поскольку письмо к Жуковскому относится именно к 1830 г.

Последними на страницах писем Козлова (от 23 августа 1832 г.) появились одновременно два стихотворения: «Жалоба» и «Мечтание». Их аккуратно выписывает дочь поэта, полностью помещая в «эпистолярные рамки». Посылая стихотворения, Козлов по обыкновению ожидает от Жуковского непременно реакции, но тот, видимо, получил их не сразу, поскольку находился на лечении за границей (второе заграничное путешествие). В последующем письме (уже от 13 февраля 1833 г.) Козлов сетует: «Как грустно, что ты не отвечал мне на мое длинное письмо, где было говорено о многом и где были мои стихи: “Жалоба” и другие о герцоге Рейхштадском» [8. Л. 42]. Под именем герцога Рейхштадтского подразумевается сын Наполеона, ранней кончине которого и посвящено «Мечтание». В известных письмах Жуковского ответа на присланные Козловым произведения не содержится, видимо, их обсуждение состоялось по возвращении поэта в Петербург, но уже после того, как оба текста вышли в составе второго собрания стихотворений Козлова (1833).

Второй тематический блок, на который условно подразделяется эпистолярный Козлова, связан с литературной жизнью эпохи. Прежде всего сюда относятся круг чтения поэта, его эстетические предпочтения, а также отдельные факты и явления современного ему литературного процесса, главным материалом которого явилось и непосредственно творчество его адресата.

Так, уже в самом первом письме от 12 июня 1819 г., рекомендуя свой французский перевод байроновского «Гяура» и рассказывая об усиленных занятиях английским языком, Козлов выражает восхищение поэтическим даром Жуковского: «Я воображаю вас в вашем Павловском лесу за работой чего-то столь же восхитительного, как “12 <спящих> дев”, “Людмила”, “Ахилл”, “Певец”, “Эолова арфа”» [14. Л. 17]. В другом письме от августа–сентября 1823 г. он даже пробует выступить для своего друга в качестве

¹ Я не знаю, как я их сделал (*фр.*).

советчика-наставника в деле творчества. Козлов, упоминая о работе Жуковского над переводом из поэмы Вергилия «Энеида» («Разрушение Трои», 1824), высказывается о природе его таланта и настаивает на заключенной в нем силе оригинального искусства: «Я хотел бы, чтобы вы сделали что-то помимо того, что сочиняете сейчас, потому что как бы великолепно ни была ваша “Энеида”, вы не должны растрачивать на перевод свой творческий гений и свой поэтический огонь. Вы достигли зрелости вашего таланта, и ваша душа, мой дорогой, теперь витает в области столь же чистой и духовной, сколь пылкой и поэтической» [8. Л. 37–37 об.]. Весьма примечательно, что по этому же поводу несколько лет спустя выскажется А.С. Пушкин в письме к Вяземскому, где при этом справедливо назовет Жуковского «гением перевода»: «Переводы избаловали его, изленили; он не хочет сам созидать» [18. С. 183]. Тем не менее Козлов, сам отдавая должное и даже больше поэтическим переводам, продолжает восторгаться уже созданными Жуковским шедеврами, основанными на материале мировой словесности. Например, в 1824 г. он знакомится с переводным отрывком «Цейкс и Гальциона» (1820) из «Метаморфоз» Овидия и пишет автору: «Какая прелесть твоя “Гальциона и Сейкс”» [8. Л. 8].

Жуковский, входя в общении с Козловым в его творческий мир, конечно, отвечал ему взаимностью, приоткрывая завесу собственных планов и замыслов. В этом контексте примечательно упоминание в письме поэта о ранее не известном намерении Жуковского творчески, в форме драмы или поэмы, обработать историю Иоанна Богослова. И 15 (27) апреля 1833 г. Козлов пишет: «Не оставляйте свои планы написать о Святом Иоанне, но поверьте мне, составьте пьесу из двух частей, представьте в одной юного друга Иисуса Христа и вдохновенного пророка – в другой» [8. Л. 45]. Козлов дает идею того, как образно и сюжетно развить наметившийся на основе библейского мифа замысел, делая упор на двухчастную структуру произведения, определённую дуализмом самого героя. Однако этот эпизод переписки далее никак не был развит ни одной из сторон, а из-под пера Жуковского ни тогда, ни после не вышло ничего подобного. Мелькнувший в письме Козлова «план», вероятно, отсылает к последней и незаконченной поэме Жуковского «Странствующий жид». Упомянутый Козловым апостол и евангелист в ней представлен в качестве одного из действующих лиц, хотя до сих пор было принято относить историю создания поэмы как минимум к 1841 г. Как пишет Ф.З. Канунова, поэт во время работы над «Странствующим жидом», ставшим его творческим завещанием, «придавал исключительное значение откровению Иоанна Богослова, стремясь разобраться в сложной системе его образов» [19. С. 214–215]. Видимо, лироэпический замысел Жуковского 1833 г., пусть и слишком туманный, уже тогда не мог пойти по тому пути, что ему прочертил Козлов. Жуковский мыслил о совершенно иных сюжетно-тематических акцентах, но одно это случайно проявившееся намерение «написать о Святом Иоанне» подвигает к тому, чтобы пересмотреть, пусть и не кардинально, истоки возникновения поэмы.

Если вплоть до 1825 г. письма Козлова в большинстве своем представляют неразвернутые записки, небольшие послания с лаконичным содержанием, то в период заграничного путешествия их адресата они приобретают эпический размах. Этому способствовал сам Жуковский, который со своим отъездом стал присылать поэту «панорамные» письма, ставшие своеобразным дневником его путешествия. Козлов под впечатлением таких объемных «документов» сам бросается в описания и перечисления, спеша поделиться литературными и светскими новостями, а также выразить свои ощущения. Так, в письме от 24 мая 1827 г. он рассказывает о текущем состоянии дел в российской словесности с личной оценкой некоторых ее моментов: «Наша литература обогатилась “Цыганами”. Пушк<ин> ещё печатает какие-то повести и Баратынск<ий> свои сочинения. Но нового Барат<ынский> ничего не сделал отлично-прекрасного, так же как и Языков, который всё пишет удивительные стихи, но слишком растянутые и не оживленные никаким сильным чувством. Дельви́г же и Плетнёв ничего не пишут. “Телеграф” очень хорош, но брань В<оейко>ва с Гречем и Булгариним хуже и отвратительнее, чем когда-нибудь» [8. Л. 20]. Очень показательны в эстетическом плане слова Козлова о сочинениях Баратынского и Языкова. Требуя от них выражения «отлично-прекрасного» и передачу «сильного чувства», он, конечно, ориентируется на байроновский пример поэтической экспрессии.

Перед именем и творчеством Пушкина Козлов прямо благоговел. В письме от конца сентября (после 27) 1824 г. он с нескрываемым удовольствием сообщает Жуковскому: «Надо похвастаться – Пушкин пишет к Дельви́гу: обнимаю Матюшкина как истинного лицеиста, а Козлова как истинного поэта, *se qui m’a fort plus*¹» [8. Л. 10 об.]. При этом в известных пушкинских письмах, адресованных Дельви́гу, ничего подобного нет. Безусловно, эта похвала – реальная или мнимая, но не столь далекая от правды – была устно передана поэту кем-то из его гостей, возможно, даже самим бароном, который очень схоже заключал свое послание к Пушкину от 10 сентября 1824 г.: «Матюшкин тебе кланяется и слепец Козлов, который только что и твердит о тебе да о Байроне» [20. С. 377]. Однако пиетет, испытываемый к кумиру, не мешал Козлову делать и несколько критические («вкусные») замечания в направлении вновь появившихся сочинений поэта. В еще одном «новостном» письме «об нашей литературе» от 15 (27) апреля 1833 г., перечисляя издательские новинки («Одоевский и Даль издают – один “Пестрые повести”, другой “Были и небылицы”. Я их прочту на днях. Очень хвалят “Последний Новик”»), он замечает Жуковскому: «...ты получил “Новоселье”, где в нем найдешь много хорошего, много и нехорошего. “Домик в Коломне”, невзирая на легкость стихов, очень мне не нравится» [8. 44 об.]. Разумеется, Козлов не мог принять веселого озорства Пушкина, который в стихотворной повести живописует жизнь траве-

¹ Что доставило мне большое удовольствие (*фр.*).

стейно-пародийным образом. Исключительная ориентация на возвышенно-поэтическое искусство романтического мироощущения не позволила ему по достоинству оценить и экспериментальность, новаторство «Домика в Коломне». Для оформления «непритязательного, почти анекдотического сюжета бытовой повести» [21. С. 406] Пушкин использовал октаву, изысканную итальянскую строфу, которую Козлов признавал только в ее высоком исполнении – творчество Тассо и Ариосто.

Помещаемые Жуковским в письмах описания мест своего пребывания за границей заставляют воображение Козлова активно работать и создавать собственные картины, которые по сути своей литературны, то есть основаны на хорошо отложившихся в его памяти живописно-поэтических моментах в произведениях европейской литературы. Характерно его признание в одном из последних писем от 19 ноября 1838 г.: «Ах, какое для меня счастье жить с Данте, Ариостом и Тассом и слушать их песни так, как они их пели, также восхищаться Шекспиром и любить, как я люблю, буйного лорда Байрона» [8. Л. 54 об.]. Так, вдохновившись полученными подробностями того «поэтического места» в Швейцарии, где остановился Жуковский, Козлов в письме от 15 февраля 1833 г. пишет ему в ответ: «Vous avez le bon lac de Genève devant vous, d'un côté Clarent avec l'ombre de Julie, de l'autre cet antique châte au de Chillon dans lequel vous êtes Byron vous-même, vos rêveries sont douces car votre conscience est pure et votre cœur aime tout ce qui est beau»¹ [8. Л. 45]. Не менее показательно и более позднее письмо от 19 ноября 1838 г., передающее воображение уже итальянских мест: «Вы теперь в прекрасной Италии, где все дышит поэтической прелестью. На том озере Комо, где бродят тени превосходного романа Манцони» [8. Л. 54].

Поэт, не чуждый некоторого тщеславия, но без крайностей, в том же письме просил Жуковского, намеревавшегося встретиться с Манцони: «Если его увидишь, напхни ему обо мне, он меня знает» [8. Л. 54]. И в ответ Жуковский сообщал, что итальянскому писателю действительно оказался небезызвестен русский стихотворец: «Я не пропустил этого случая и рассказал Манцони о тебе; а он мне сказал, что знает тебя и подал мне экземпляр твоих стихов с твоей подписью, поручив при свидании сказать от него тебе поклон» [22. С. 440]. Можно только догадываться, каким образом к автору «Обрученных» попало отдельное издание стихотворений Козлова. Вполне возможно, он сам послал его почтой или же попросил кого-то из знакомых, отправлявшихся в Италию, лично передать книгу.

Рассказ Жуковского о посещении им дома Манцони, который сверх ожидания принял поэта и очень любезно, по-настоящему взбудоражил Козлова и заставил мысленно погрузиться в атмосферу его знаменитого романа. В письме от 27 ноября 1838 г. он опять же по-французски выража-

¹ Перед вами прекрасное Женевское озеро, с одной стороны Кларан с тенью Жюли, с другой стороны этот старинный Шильонский замок, в котором вы сами являетесь Байроном, ваши мечты приятны, ибо ваше сознание чисто, и сердце ваше любит все то, что прекрасно (*фр.*).

ет свои ощущения: «...chaque jour encore je jouis du souvenir charmant que m'ont laissé "*I Promessi sposi*", que j'ai lu délicieusement avec mon cher abbé Campodonico; c'est le plus beau roman que je connais, je suis toujours au bord du lac de Como, avec l'intéressant *Renzo* et la gracieuse *Lucia* et ce bonhomme *Don Abondio*, que j'aime de tout mon cœur; quelle diversité dans les caractères, toujours quelle morale évangélique, l'innominate les religieux, – tous ces tableaux offrent un charme ineffable»¹ [8. Л. 58].

Эстетические суждения Козлова по поводу произведений литературы, подобные тому, что высказано им в отношении романа Мандзони, в его письмах не редки. Особенно развернуты они именно в ответах на заграничную корреспонденцию Жуковского, что, конечно, дает ценный материал для составления эстетического портрета Козлова. Например, предельно краткий отзыв о неудаче трагедии А.Н. Муравьева «Битва при Тивериаде, или Падение крестоносцев в Палестине» демонстрирует присущее Козлову чувство жанра: «Mouravieff nous a lu «Битву при Тивериаде» (qui est tombée au théâtre) parce que ce n'est pas une tragédie, mais un poème dramatique fort agréable»² [8. Л. 42 об.].

Чрезвычайно важны в плане характеристики эстетических воззрений Козлова его суждения, вошедшие в ответ на письмо Жуковского от 8 февраля (27 января) 1833 г. В этом послании с берегов Женевского озера дана откровенная критика Руссо («нет ничего скучнее "*Новой Элоизы*"»); «...для страстей человеческих Руссо не имел ничего, кроме блестящей декламации: он был в свое время лучезарный метеор, но этот метеор лопнул и исчез») и Байрона («...в нем есть что-то ужасающее, стесняющее душу. Он не принадлежит к поэтам – утешителям жизни») [23. С. 836], вызвавшая в Козлове горячий протест. 15 (27) апреля 1833 г. он с вдохновением пишет «милому другу», абсолютно не соглашаясь с ним и особенно останавливаясь на любимом Байроне: «...ты несправедлив в отношении к Жан-Жаку и, мне кажется, на Байрона смотришь не с настоящей точки зрения. S'il y a des longueurs dans les romans du premier, il y a aussi de ces choses que tout cœur sensible sait par cœur; Dans son *Emile*, dans ses *Confessions* il est souvent grand et élevé, et son éloquence est entraînant; il n'a point passé comme un météore, mais cet astre a pâli, et cela devait être ainsi; quant à Byron pourquoi cher chez-vous en lui un poète consolateur? Byron est le peintre des passions songeuses, d'un cœur éminemment Sensible et qui se croit blessé dans ce qu'il avait de plus cher au monde. Il réveille dans notre cœur des sons qui vibrent

¹ ...Каждый день я наслаждаюсь очаровательным воспоминанием, которое мне оставили «Обрученные», которые я прочитал с восхищением с моим дорогим аббатом Камподонико. Это самый прекрасный роман, который я знаю, я все еще на берегу озера Комо, с ловким Ренцо и грациозной Лючией и этим простодушным доном Абондио, которого я полюбил всем сердцем. Какое разнообразие в характерах, все-таки какая евангельская мораль, безымянная религиозность – все эти картины обладают невыразимым очарованием (*фр.*).

² Муравьев нам прочитал «Битву при Тивериаде» (которая провалилась в театре), потому что это не трагедия, но драматическая поэма, очень приятная (*фр.*).

avec un charme entraînant malgré l'aiguillon de la peine qu'il réveille en nous. Toujours sombre dans Childe Harold, le Giaour, c'est-à-dire *toujours lui*, il est céleste dans Leila, Zuleika et toutes les autres femmes, si séduisantes qu'il produit dans ses ravissantes poèmes»¹ [8. Л. 45–45 об.].

Развернуто высказывается Козлов также по поводу Шекспира, которого много читает и, конечно, только в подлиннике. Содержащийся в письме к Жуковскому от 7 ноября 1837 г. отзыв о трагедии «Ричард III» является единственным прямым отражением взгляда поэта на творчество английского драматурга, из которого в его собственный художественный мир вошла лишь трагедия «Отелло» – через вольный перевод знаменитой песни Дездемоны (1830). Козлов пишет: «Я схожу с ума от сцены “Ричарда III” между королевою Елизаветою, жены Эдварда IV, Марьи Данжу и герцогини Йоркской, я ее четыре раза читал с одним очень ученым англичанином, сын и дочь несколько раз мне ее прочитывали, я, можно сказать, выжал сок из каждого ее стиха. Если бы Шекспир кроме ее ничего другого не написал, уже он был бы бессмертный, перечти ее со вниманием» [8. Л. 52 об. – 53]. Козлов останавливает взгляд Жуковского на четвертой сцене IV акта, рисующей жестокою скорбь трех царственных жён. Сцена предваряется известием о гибели в Тауэре малолетних наследников, что доводит до предела драматическое отчаяние. Три вдовы и осиротевшие матери, встречаясь, сначала произносят в своем горе взаимные упреки, а затем объединяются в общем несчастье и ненависти к Глостеру. Поэта здесь привлёк именно чрезвычайный накал трагизма, который проявляется в абсолютной женской скорби, перемежаемой проклятиями.

Наконец, в письмах к Жуковскому Козлов открыто выражает свое восхищение еще одним английским автором – В. Скоттом; 24 мая 1827 г. он сообщает: «...читаю с великим наслаждением Вальтер Скот<та> романы. Великий писатель!» [8. Л. 20]. А на следующий год А.И. Тургенев во время своего путешествия в Англию в личной беседе будет рассказывать «шотландскому барду» об одном его страстном почитателе – слепом поэте из России [24. С. 342]. Интерес Козлова к Скотту шел сначала от увлечения его поэмами («Рокби», «Мармион»), в которых он находил лирическое выражение увлекательной и привлекательной, связанной с далью рыцарских времен и романтическими чувствами жизни. Поэтическое впечатление,

¹ Если в романах первого есть длинноты, то есть и вещи, которые каждое чуткое сердце знает наизусть. В его «Эмиле», в его «Исповеди» он часто велик и возвышен, и его красноречие увлекательно; он совсем не прошел как метеор, но его звезда потускнела, и это именно так и должно было быть. Что касается Байрона, зачем ищите вы в нем поэта-утешителя? Байрон – художник задумчивых страстей, с сердцем в высшей степени чувствительным, которое считает себя раненным в том, что он имел самое дорогое в мире. Он пробуждает в нашем сердце звуки, которые вибрируют с увлекательным очарованием, несмотря на острие страдания, которое он в нас вызывает. Всегда мрачный в Чайльд-Гарольде, в Гяуре, то есть *всегда он сам*, он божественен в Лейле, Зулейке и всех других женщинах, таких соблазнительных, которых он создал в своих восхитительных поэмах (*фр.*).

очевидно, было перенесено и на прозу Скотта: не случайно, создавая в 1832 г. вольный перевод отрывка из поэмы «Мармион» и называя его «Берверлей» (т.е. *Waverley*, герой одноименного романа), он соединяет в самостоятельно определяемой жанровой форме баллады лирическое содержание и память об исторических романах.

Третий тематический блок, составляющий содержание писем Козлова к Жуковскому, связан с деятельным участием поэта в жизни А.А. Воейковой и судьбе ее детей. По предположению Н.В. Соловьева, с младшей племянницей Жуковского поэт мог познакомиться уже в 1818 г. Поддерживает такую датировку и И.Д. Гликман, допуская лишь небольшую вариацию: 1818–1819 гг. Встреча Козлова с Александрой Воейковой и всё их общение на протяжении десяти лет имели огромное значение для обезноженного страдальца. Светлана, как поэтически нарекли Воейкову с легкой руки Жуковского, стала для поэта ангелом-утешителем¹, который поддерживал в нем жизненный и творческий огонь, одарял сердечным вниманием его жену, сына и дочь. Не случайно тем первым стихотворением, что явило российской публике Козлова-поэта, стало послание «К Светлане», которое заканчивается символическими и пророческими словами: «навсегда / Там будешь другом мне сердечным!» Свидетельством сложившейся между Воейковой и Козловым атмосферы нежной дружбы и взаимного расположения оказывается их переписка. Эти 39 писем-записок Светланы к поэту (опубликованы Н.В. Соловьевым) [11. Т. 2. С. 24–54] и всего три ответных (только в рукописи) можно назвать настоящим памятником духовно-эстетических взаимоотношений Козлова и Воейковой.

Письма к Жуковскому обогащают эти представления, открывая дополнительные свидетельства заботы и посильной помощи, которые уже слепой поэт старался оказать своей «кузине», как он сам именует ее, словно отвечая на явленное по отношению к нему трогательное сострадание. Воейкова писала Козлову в 1823 г.: «Действительно, дорогой друг, я страдаю от Ваших страданий гораздо больше, чем от моих собственных, это не фраза, так как моя жизнь только у меня в сердце» [11. Т. 2. С. 36].

В письме от начала февраля 1823 г. Козлов с чрезвычайной тревогой и опасением пишет Жуковскому о планируемой поездке Воейковой в Дерпт к матери и сестре, которая ждала разрешения от бремени. На деле это путешествие к Мойерам являлось вынужденным бегством Александры от ставшего невыносимым семейного существования рядом с ревнивым мужем, опускавшимся в своих помыслах и домыслах до унижительных вещей. Козлов, очевидно, не знал всех деталей задуманного Жуковским предприятия по отдалению племянницы и ее детей от супруга (впоследствии временно принявшего форму так называемого разъезда). Он писал другу в очень встревоженных чувствах о том, что ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вместе со Светланой в Дерпт также поехал ее муж А.Ф. Воей-

¹ Именно так, «ангелом-утешителем всей нашей семьи», позже называла Воейкову дочь Козлова [25. Л. 36].

ков: «...ni moralement ni physiquement il n'en peut résulter que quelques de très mauvais. Songez à ce tête à tête pendant la route, aux reproches, aux scènes devant les enfants, aux couchées, en un mot à tout le mal qu'on peut et qu'on ne peut pas dire»¹ [8. Л. 1]. Поэт, прекрасно понимая, насколько ненавистна стала личность этого злобного интригана, предостерегает друга о возможных последствиях: «...dans un moment si critique sa présence sera tout à la fois un scandale à peu près et une gêne pénible pour les deux sœurs»² [8. Л. 1 об.]. Его особенно беспокоит именно то, что присутствие Воейкова может нарушить «совершенный союз, царящий между двумя ангельскими сестрами», и поэтому он просит Жуковского оградить их от «сплетен, пересудов и инсинуаций этого злого и коварного существа» [8. Л. 2]. Козлов также упоминает о негативном влиянии приезда Воейкова на «достойного Мойера», которому еще в период своей женитьбы собственноручно довелось узнать подлую природу свояка.

Обрисовав подробно всю неприглядную картину возможного прибытия Воейкова в Дерпт, Козлов далее не случайно переходит к А.И. Тургеневу, который был одним из главных виновников существенного обострения и без того напряженных отношений в семье Светланы. Александру Воейкову и Александра Тургенева связывали взаимные романтические чувства, развившиеся в период первого заграничного путешествия Жуковского (3 октября 1820 г. – 6 февраля 1821 г.), поэтому отъезд из Петербурга был еще и способом прекратить их общение, ставшее не только предосудительным, но и получившее подлое поэтическое обличение в печати [26. С. 18–19]. Более того, Козлов принимается и лично убеждать Тургенева в том, что нужно «уважать вечные и святые основания чистоты сердца, а также долг супружества и материнства» [8. Л. 2 об.]. В ответ на свои старания поэт, как сказано им в письме к Жуковскому, получил от Тургенева заверение в том, что «он желает только ее счастья» [Там же]. Впоследствии Козлову доводилось не раз наблюдать всю нежность отношения Тургенева к Светлане: вместе с ним он, например, читает пересланные Жуковским письма Воейковой («...очаровательные письма Александрины, одновременно трогательные и утешительные. Вот они. Т<ургенев> держал их несколько часов, а я – полтора дня»; «я снова попросил Тургенева, которого не видел с 7 августа, возратить письмо Александрины») [8. Л. 36, 31]. Важно заметить, что Козлов действительно имел право вмешиваться в сердечные дела Тургенева, поскольку его с ним связывали «тесные узы дружбы» [27. С. 469]. Их дружеские отношения зачинались, очевидно, еще в 1814 г., когда «А.И. Тургенев заблаговременно принялся за хлопоты о Козлове» [27. С. 469], потерявшем все свое имущество в московском пожаре Отече-

¹ Ни морально, ни физически из этого не может выйти ничего хорошего. Подумайте об этом тет-а-тет во время дороги, об упреках, о сценах перед детьми, о ночлегах, одним словом, обо всем зле, о котором можно и нельзя говорить (*фр.*).

² В такой критический момент его присутствие будет одновременно скандалом и неприятным замешательством для обеих сестер (*фр.*).

ственной войны. Ярко характеризует их отношения и проявленная слепцом искренняя обеспокоенность здоровьем С.И. Тургенева¹, с которым он тоже был знаком достаточно давно².

Жуковский, считавший, что и его собственной совести принадлежит недопустимое сближение Воейковой и Александра Тургенева, своей непримиримой позицией вызвал жестокие и несправедливые обвинения последнего, который даже заявил о разрыве многолетней дружбы. Козлов воспринял очень тяжело возникшую между Жуковским и Тургеневым размолвку и своими силами старался разрешить сложившееся недоразумение. Так, он писал Жуковскому в декабре 1823 г.: «...я огорчен тем, что произошло вчера вечером; но такой друг, как он, всегда будет другом, достойным тебя, и ты ему друг не менее достойный, <...> в момент исступления он говорил безрассудные вещи – будь то сердечная горячка или бред воображения, это всегда бред...» [8. Л. 13 об. – 14]. Очевидно, по возвращении из очередной поездки в Дерпт, откуда Жуковский уже обратно привез семью Воейковых, между ним и Тургеневым состоялось объяснение (относительно запрета на его общение со Светланой), и, возможно, Козлов был даже свидетелем их жесткой перепалки. Поэт призывал обоих друзей к благородию и взаимному пониманию, беря на себя роль своеобразного посредника: «У меня на сердце вас помирить» [8. Л. 14].

Посреди драмы семейных отношений Воейковых, за которой Козлов внимательно следил³, а также драмы чувств Тургенева и Светланы в марте 1823 г. произошла внезапная трагедия: во время неудачных родов скончалась Мария Мойер. На известие о случившемся несчастье Козлов откликается сразу же, он пишет Жуковскому полное искреннего сочувствия письмо, сбиваясь с русской речи на французскую: «Друг, обнимаю тебя, об том, что я почувствовал, узнавши твой ответ, говорить нечего. Признаюсь, что не просто один промысел Божий нахожу я в этом печальном случае, но зная ее душу и то, что жизнь ее возвышенная и прекрасная была самая, то и в кончине ее я вижу что-то великое, таинственное, милосердное» [8. Л. 3 об.]. Утешая друга, он одновременно старается предупредить его в тотальном отчаянии и всеохватной, подавляющей горести: «Нельзя вам не плакать, но остерегайтесь отчаяньем или упорной горестью помрачить райскую улыбку этого ангела. Elle est aux cieux mon cher devant un Dieu de justice et de miséricorde⁴» [8. Л. 3 об.]. Десять дней спустя, 4 апреля 1823 г., Козлов адресует новое письмо Жуковскому и – Светлане, обращаясь со словами

¹ В письме к Жуковскому от конца сентября (после 27) 1824 г. Козлов сообщал о том, что «Сергей болен, эта болезнь – вид психического расстройства» [8. С. 15].

² Сохранилось одно письмо С.И. Тургенева к Козлову, которое датировано 12 (24) июня 1817 г.

³ В письме от июля 1823 г. Козлов писал Жуковскому с вопросом о предстоящей тому поездке в Дерпт к Воейковой, в которую хотел вмешаться ее муж: «В<оейков> говорит, что он уезжает 27, и что вы уезжаете 4. Не знаю, чем закончится поездка» [8. Л. 29 об.].

⁴ Она на небесах, мой дорогой, перед Богом справедливым и милосердным (*фр.*).

поддержки уже преимущественно к своей «кузине»: «Почему ваша горесть так сильна, дорогая подруга? Надеемся на Бога, просите его, там теперь у него есть за вас верный и милый-сердечный молеельщик, так надеемся же очень. Берегите себя ради ваших детей и ее. Утешьте вашу матушку, окружите дружбой достойного Мойера и будьте сердечным другом Жуковскому» [8. С. 38 об.].

После смерти Марии Мойер Козлов проявляет особое беспокойство по поводу здоровья ее младшей сестры. Не случайно Жуковский иногда кратко сообщал ему в своих записках: «она здорова» или «Насчет ее здоровья будь спокоен» [4. С. 171, 199]. Но когда летом 1827 г. Жуковский находился в Эмсе на лечении, уже ему приходилось отчаянно добиваться от Козлова известий о состоянии Воейковой: «...получил письмо и от тебя, и в нем об ней почти ни слова. Не понимая этого неизъяснимого молчания с твоей стороны, остаюсь в жестоком недоумении, не знаю, сколько еще времени должен в нем остаться» [4. С. 477]. Его просьбы были услышаны, и вскоре он получил подробный отчет о здоровье Светланы и о том, какие шаги в своем лечении она хочет предпринять. 21 июня 1827 г. Козлов писал: «...в конце мая – в первые дни июня кровохарканье и боль возвратились вместе с лихорадкой и с большей силой, что вызывает опустошающую слабость» [8. Л. 21]. Причиной такого резкого усугубления в течении болезни поэт называет переживание от «проклятого пожара, вспыхнувшего утром на той же улице, где она живет» [8. Л. 21]. Ухудшившееся состояние Воейковой заставило ее врача, лейб-медика Н.Ф. Арендта, рекомендовать немедленный отъезд в Ниццу, однако Козлов был против этого, поскольку «воздух в Ницце слишком холодный» и совсем не способствует выздоровлению. Недоволен он был и окончательным пунктом назначения – Грасом, так как тот «находится всего в нескольких лье» от Ниццы [8. Л. 21 об.]. Рассказывая Жуковскому о поиске (путем совещания с несколькими знакомыми) спасительного для Воейковой места лечения, он сам ищет у него помощи и успокоения в собственной тревоге за Светлану и задается вопросом: «Но что делать?» [8. Л. 21 об.].

Воейкова скончалась в Италии в начале февраля 1829 г., после ее смерти дети оказались на попечении в разных местах: сын Андрей оставлен в женевском пансионе Ж.Ф. Прива, старшие дочери Екатерина и Александра поступили на средства императрицы в Екатерининский институт, младшая Мария осталась с бабушкой Е.А. Протасовой. В письме от 27 августа 1829 г. Козлов писал Жуковскому о том, как его семья не оставляет заботой заболевших коклюшем и находящихся на попечении графини П.В. Толстой Екатерину и Александру: «Жена с дочерью по два и по три раза навещают больную Катеньку и Сашу; смею сказать и говорю с наслаждением, тень Алекс<андры> Анд<еевны> должна быть довольна сердечной привязанностью жены моей к ее детям» [8. Л. 60]. Когда старшие дочери Воейковой поступили в Екатерининский институт, родные Козлова продолжали их навещать, а после определения туда младшей, то и ее они старались окру-

жить своим вниманием: «жена с Алинькой, по обыкновению, пойдут в институт к милой Машиньке» [8. Л. 53].

Помимо трех основных выделенных в письмах Козлова блоков – творческая лаборатория, современная литературная жизнь, судьба Александры Воейковой, – их содержание пронизано многими мотивами, связанными с непосредственными впечатлениями автора от соприкосновения с невидимым им миром, но которому он страстно внимал. К таковым относятся нарастающее восторженное отношение к императорской фамилии вообще и к наследнику в частности, изложение (не без сетований) собственного болезненного положения, предельным выражением которого стало письмо от 14 октября 1837 г.¹, усиливающееся религиозное чувство, в котором поэт находит для себя успокоение, жадный интерес к светским событиям и происшествиям, описание неутешительных семейных обстоятельств и связанные с ними просьбы (одолжение денег, хлопоты о заложенной деревне). Сквозное присутствие всех этих моментов в письмах Козлова вполне естественно, однако важно, что художественно-эстетическая линия в них является все же определяющей, она же во многом и подвигала Жуковского не только поддерживать эпистолярное сообщение, но и увеличивать его объемы.

Таким образом, сохранившаяся переписка Козлова с Жуковским обладает глубоко самостоятельным значением. Она восстанавливает неизвестные страницы творчества и биографии слепого поэта, заполняет лакуны, связанные с датировкой отдельных его произведений и содержанием непосредственной правки некоторых текстов. «Жуковский» эпистолярный Козлова представляет личность его автора погруженной в свою эпоху, в живом литературно-бытовом пространстве и времени, во взаимодействии с выдающимися представителями русской культуры XIX в. С обнаружением и публикацией этих писем реконструкция диалога двух колоссальных фигур русского романтизма обретает необходимые полноту, объем и достоверность.

Список источников

1. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : АН СССР, 1954. Т. 5. 862 с.
2. *Гликман И.Д.* И.И. Козлов // Козлов И.И. Стихотворения. Л. : Советский писатель, 1956. С. 5–67.
3. *Грот К.Я.* К биографии, творениям и переписке И.И. Козлова (по поводу смерти его дочери) // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. 1904. Т. 9. Кн. 2. С. 74–95.
4. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : ЯСК, 2019. Т. 16. 1148 с.
5. *Письма Александра Тургенева Булгаковым.* М. : ГСЭИ, 1939. 375 с.

¹ «Скажу тебе, что я слепой и безногий, теперь лишаюсь рук, нервы в руках под локотками и под мышками сжимаются, я чувствую в них необыкновенную тягость и долгую боль, что же касается до пальцев, то я уже ими почти совсем не владею, они разошлись, скорчились, онемели, мне чашку чаю держат у самого рта, придерживают ложку, и я в них чувства не имею» [8. Л. 50].

6. *Дневник* И.И. Козлова // *Старина и новизна*. 1906. Кн. 11. С. 34–66.
7. *Остафьевский архив князей Вяземских*. СПб., 1899. Т. 1. 735 с.
8. *РО ИРЛИ*. Онегинское собрание. № 28088.
9. *Труш К.А.* Очерк литературной деятельности И.И. Козлова. М., 1899. 32 с.
10. *Данилов Н.М.* Материалы для полного собрания сочинений И.И. Козлова. (Поправки, варианты, неизданные стихотворения и письма) // *Известия отделения русского языка и словесности Академии наук*. 1917. Т. 12. Кн. 2. С. 72–105.
11. *Соловьёв Н.В.* История одной жизни. А.А. Воейкова – «Светлана»: в 2 т. Пг., 1915–1916.
12. *Афанасьев В.В.* Жуковский. М.: Молодая Гвардия, 1987. 397 с.
13. *Афанасьев В.В.* Жизнь и лира. М.: Детская литература, 1977. 190 с.
14. *РО ИРЛИ*. Онегинское собрание. № 27853.
15. *РО РНБ*. Ф. 286. Оп. 2. Ед. хр. 186.
16. *Переписка* В.А. Жуковского и А.А. Воейковой: 1811–1829. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2020. 462 с.
17. *Гликман И.Д.* Примечания // Козлов И.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1960. С. 5–51.
18. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1948. Т. 13. 684 с.
19. *Канунова Ф.З.* Религиозно-мифологические основы итоговой поэмы В.А. Жуковского «Странствующий жид» // *Проблемы исторической поэтики*. 2005. № 7. С. 206–218.
20. *Переписка* А.С. Пушкина: в 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. 494 с.
21. *Янушкевич А.С.* История русской литературы первой трети XIX века. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 746 с.
22. *Жуковский В.А.* Собрание сочинений: в 4 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. Т. 4. 782 с.
23. *Письма* В.А. Жуковского к И.И. Козлову // *Русский архив*. 1867. № 6. Ст. 820–842.
24. *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX). М.: Наука, 1982. 864 с.
25. *РО ИРЛИ*. Р. I. Оп. 9. № 71.
26. *Березкина С.В.* «Думать об тебе есть уже рай Божий!» (переписка В.А. Жуковского и А.А. Воейковой) // *Переписка В.А. Жуковского и А.А. Воейковой: 1811–1829*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2020. С. 3–39.
27. *Сиверс А.* Письма И.И. Козлова // *Звенья*. М.: ГИКПЛ, 1951. Т. 9. С. 469–486.

References

1. Belinskiy, V.G. (1954) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 5. Moscow: USSR AS.
2. Glikman, I.D. (1956) I.I. Kozlov. In: Kozlov, I.I. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 5–67.
3. Grot, K.Ya. (1904) К биографии, творениям и переписке И.И. Козлова (по поводу смерти его дочери) [To the biography, works and correspondence of Ivan Kozlov (on the death of his daughter)]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*. 9. Pt. 2. pp. 74–95.
4. Zhukovskiy, V.A. (2019) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Collection of Works and Letters]. Vol. 16. Moscow: YaSK.
5. Turgenev, A.I. (1939) *Pis'ma Aleksandra Turgeneva Bulgakovym* [Letters from Alexander Turgenev to the Bulgakovs]. Moscow: GSEI.
6. Grot, K.Ya. (1906) Dnevnik I.I. Kozlova [Diary of Ivan Kozlov]. In: *Starina i novizna* [Antiquity and Novelty]. Vol. 11. Saint Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha. pp. 34–66.
7. Saitov, V.I. (ed.) (1899) *Ostaf'evskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh* [Ostafiev Archive of Princes Vyazemsky]. Vol. 1. Saint Petersburg: Sheremet'ev.

8. Manuscript Department of Institute of Russian Literature (RO IRLI). *Oneginskoe sobranie* [Onegin Collection]. Item 28088.
9. Trush, K.A. (1899) *Ocherk literaturnoy deyatelnosti I.I. Kozlova* [Essay on the Literary Work of I.I. Kozlov]. Moscow: tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i Ko.
10. Danilov, N.M. (1917) *Materialy dlya polnogo sobraniya sochineniy I.I. Kozlova. (Popravki, varianty, neizdannye stikhotvoreniya i pis'ma)* [Materials for the complete works of Ivan Kozlov. (Corrections, variants, unpublished poems and letters)]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*. 12. Pt. 2. pp. 72–105.
11. Solov'ev, N.V. (1915–1916) *Istoriya odnoy zhizni. A.A. Voeykova – “Svetlana”* [The Story of One Life. A.A. Voeykova – “Svetlana”]. Petrograd: [s.n.].
12. Afanas'ev, V.V. (1987) *Zhukovskiy*. Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russian).
13. Afanas'ev, V.V. (1977) *Zhizn' i lira* [Life and Lyre]. Moscow: Detskaya literatura.
14. Manuscript Department of Institute of Russian Literature (RO IRLI). *Oneginskoe sobranie* [Onegin Collection]. Item 27853.
15. Manuscript Department of the National Library of Russia (RO RNB). Fund 286. List 2. Item 186. (In Russian).
16. Berezkina, S.V. et al. (eds) (2020) *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.A. Voeykovoy: 1811–1829* [Correspondence of V.A. Zhukovsky and A.A. Voeykova: 1811–1829]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Glikman, I.D. (1960) *Primechaniya* [Notes]. In: Kozlov, I.I. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 5–51.
18. Pushkin, A.S. (1948) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 13. Moscow; Leningrad: AN SSSR.
19. Kanunova, F.Z. (2005) *Religiozno-mifologicheskie osnovy itogovoy poemy V.A. Zhukovskogo “Stranstvuyushchiy zhid”* [Religious and mythological foundations of the final poem by V.A. Zhukovsky “The Wandering Jew”]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 7. pp. 206–218.
20. Tyun'kin, K.I. et al (eds) (1982) *Perepiska A.S. Pushkina* [Correspondence of A.S. Pushkin]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
21. Yanushkevich, A.S. (2015) *Istoriya russkoy literatury pervoy treti XIX veka* [History of Russian Literature of the First Third of the 19th Century]. Moscow: FLINTA: Nauka.
22. Zhukovskiy, V.A. (1960) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: GIKhL.
23. Russkiy arkhiv. (1867) *Pis'ma V.A. Zhukovskogo k I.I. Kozlovu* [Letters from V.A. Zhukovsky to I.I. Kozlov]. *Russkiy arkhiv*. 6. Art. 820–842.
24. Alekseev, M.P. (1982) *Russko-angliyskie literaturnye svyazi (XVIII vek – pervaya polovina XIX)* [Russian-English Literary Relations (18th century – the first half of the 19th century)]. Moscow: Nauka.
25. Manuscript Department of Institute of Russian Literature (RO IRLI). Manuscript I. List 9. Item 71.
26. Berezkina, S.V. (2020) “Dumat' ob tebe est' uzhe ray Bozhiiy!” (perepiska V.A. Zhukovskogo i A.A. Voeykovoy) [“Thinking about you is already heaven of God!” (correspondence of V.A. Zhukovsky and A.A. Voeykova)]. In: Berezkina, S.V. et al. (eds) *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.A. Voeykovoy: 1811–1829* [Correspondence of V.A. Zhukovsky and A.A. Voeykova: 1811–1829]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–39.
27. Sivers, A. (1951) *Pis'ma I.I. Kozlova* [Letters of Ivan Kozlov]. In: Bonch-Bruевич, V., Kamenev, L.B. & Lunacharsky, A.V. (eds) *Zven'ya* [Links]. Vol. 9. Moscow: GIKPL. pp. 469–486.

Информация об авторах:

Волков И.О. – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wolkoviv@gmail.com

Генина Н.Е. – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ninelgenina@gmail.com

Кильмухаметова Е.Ю. – канд. филол. наук, доцент кафедры романских языков Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vademecum72@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.O. Volkov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com

N.E. Genina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ninelgenina@gmail.com

E.Yu. Kilmukhametova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vademecum72@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.05.2022;
одобрена после рецензирования 14.06.2022; принята к публикации 16.11.2022.*

*The article was submitted 25.05.2022;
approved after reviewing 14.06.2022; accepted for publication 16.11.2022.*